

УДК 82.09-1

DOI: 10.26456/vtfilol/2026.1.127

МОТИВ ВЫСОТЫ В ПОЭЗИИ ЕВГЕНИЯ КЛЮЕВА

Т. В. Белова

Тверской государственный университет, г.Тверь

В статье рассматривается мотив высоты в книге стихов Е.В.Клюева «Музыка на Титанике» (2014). Анализ стихотворений, вошедших в книгу, показал, что основным мифопоэтическим символом, определяющим художественную картину мира поэта, является «вертикаль»: стремление лирического героя к «верху» пространства, то есть к постижению и бытия, и самого себя, и своего творчества. Этот пространственный «верх» у Е. Клюева означен базовыми понятиями «небо» (синонимы: небеса, небосвод, небосклон), «высота», «звезда», «Бог».

Ключевые слова: *Е.В.Клюев, «Музыка на Титанике», поэтическая картина мира, пространство, небо, звезда, Бог.*

Художественный текст, будучи пространством эстетической реальности, представляет собой некую модель мира, во многом отличную от мира физической реальности. И то, «что попадает в фокус авторского видения, и то, как оно в нём организуется, составляет специфику художественного текста как языковой модели мира [6, с. 56], в которой «дискретные синтагматические и парадигматические отношения разных уровней иерархии репрезентируют недискретный смысл целого» [2, с. 117].

Один из структурообразующих элементов художественного текста – образ пространства, который в словесном творчестве имеет психолого-концептуальные основания. Л.Г. Бабенко отмечает, что художественное пространство есть «объективно-субъективное представление автора об объективной реальности» [1, с. 170], ибо оно создаётся как воплощение некоего эстетического идеала творческой личности, аспектов её миропонимания и ценностных ориентаций. Литературовед А. Б. Есин говорит об условности, дискретности, фрагментарности пространства в художественных текстах [4, с. 48–52]. В поэтической речи пространственные представления многообразны: это образы замкнутого и открытого, земного и космического, реального (мир) и внутреннего, психологического пространства лирического героя. «Взаимодействие пространственных планов становится основным смыслопорождающим механизмом у художников слова и обуславливает моделирование текста, ибо в нём разные пространственные планы находятся друг с другом в отношениях включения, симметрии или контаминации. Переход из одного пространства

© Белова Т. В., 2026

в другое носит ментальный характер – осуществляется посредством воображения героя, его памяти, сна и т. п.» [3, с. 14].

Анализ художественного пространства поэтической речи Е. Клюева позволил выявить архетипические пространственные образы, выступившие в его текстах в роли элементов «языка» художественного моделирования. Такими категориями являются «вертикаль /горизонталь», «небо /земля» и вписывающиеся в них категории – оппозиции «высшее /низшее», «духовное /греховное», «бытие /быт».

Анализ стихотворений поэта, вошедших в книгу «Музыка на Титанике» [5], показал, что основным мифопоэтическим символом, определяющим художественную картину мира поэта, является «вертикаль»: стремление лирического героя к «верху» пространства, то есть к постижению и бытия, и самого себя, и своего творчества. Этот пространственный «верх» у Е. Клюева означен базовыми номинациями «небо» (синонимы: *небеса, небосвод, небосклон*), «высота», «звезда», «Бог», понятиями «летать», «петь». В смысловом отношении в пространство неба Е. Клюевым включены птицы, облака, тучи. Более того, поэт сам вписывает себя в это пространство посредством таких высказываний, как: ... *такое уж я тело, м-да, – небесное такое тело* («И можно всё опять связать...»); *Я ведь слуга облаков, я ведь неба вассал* («Я написал да забыл...»); *Я любил только небо и в нём – птиц, / а более – ничего* («Ответ»).

Небесное пространство характеризуется поэтом по-разному, но в этих оценках находит своё отражение внутреннее состояние говорящего (*безмятежные небеса; взволнованные небеса; чёрное небо; чужие небеса; ослепительные выси*), совпадающее с визуальным восприятием им неба или же, наоборот (а это чаще!), вступающее в конфликт с реальной действительностью: *Ах, тихи небеса, да шумят мои бесы: / эти суффиксы, префиксы, флоксы в саду...* («До чего ж я люблю эту тишь...»), ...и *везде небеса голубые. // А в моих небесах ходят тучи* («Жалобы сурка»); *Хоровод красавчиков и страшил, / безмятежные небеса... // Вот и век, не заметив меня, прошёл, / вот и новый век начался* («Хоровод красавчиков и страшил»).

В большинстве стихотворений сборника «Музыка на Титанике» мотив неба реализуется в смысловом поле «поэзия». Номинация «небо» коррелирует с понятием «летать», что также отражает вертикаль верха в текстах Е. Клюева: ...*этот трепетный образ был пойман на рынке, / а вот этот – когда я, по небу летая, / обнаружил две розно порхавших пылинки* («Эту лёгкую строчку...»). Так Е. Клюев актуализирует смыслы 'поэтическое творчество – дело избранных', душа которых зоркая и имеет крылья. Понятие «летать», в свою очередь, в творческом сознании поэта соотносится с образом птиц (*чиж, голубь, синица*); он и сам ощущает себя свободной птицей: *Бог упаси, никого не сужу – / тихо-претихо на*

ветке сижу, / но, сидя на ней, никому не служу / и не буду служить никогда <...> Дую в пустую такую дуду / да выдуваю одну ерунду («Бог упаси, никого не сужу»); ... *я такая птица – пой на солнечном наречии / вместо чтобы, там, как прочие, / размножаться и плодиться* («Не сменять ли мои арии»). У поэта свой голос, он «в свой бренчит колокольчик», но понятен ли, нужен ли кому-либо этот звук: *Что ж тут скажешь – я всегда не на месте / и ни с кем не совпадаю по масти* («Ну зачем тебе...»). В стихотворении «...ибо всякая Божия шваль» Е. Клюев акцентирует внимание читателя на слове «жаль», ибо имеющему свой голос всегда непросто: не все откликаются, многие не прощают, кто-то осудит, но судья поэту только Всевышний: *Полетаем-ка мы, побренчим, / погуляем по нотам – над болотом, поляной, ручьём, / над холмом, над блокнотом – / и достигнем последних верхов : / там Господь шёлком вышит... // Жаль лишь тех, кто не пишет стихов, / жаль – кто пишет*. Но всё же лирический герой Е. Клюева стремится ввысь («*вирши одне – выше и выше*»), ибо там, «в небесах не бывает басов – только альты». В стихотворении «17 марта» герой приглашает в космическое путешествие с помощью «старых моих слов», которые мыслятся им как заоблачные качели, как карусели, на которых можно покататься «по планетам и меж планет», перелететь черту и вернуться, ориентируясь на горящую свечу, которая в тексте выступает символом творчества, что подтверждают следующие строки: *вдруг, дружок, да заденем клавишу на лету, / или, скажем, струну заденем...*. Лирический герой Е. Клюева сетует, что слова его «наги», «босы», а небо его «копит» и «не строится ряд», что «рифмы кончились, ритм даёт усадку», что «страсть состарилась, и опыт сильно пьян», но всё же он призывает Всевышнего быть благосклонным к поэтам, сохранить их: *Господь, сохрани / всех поэтов и будь благосклонен к поэтам – / за умение ткать, за умение прясть, / за умение сесть и увидеть как есть / всё что есть – и низать эти длинные бусы, / и низать, и низать... и всю правду сказать* («До чего ж я люблю эту тишь»).

Свои стихи Е. Клюев называет садом, себя – садовником, дом которого – голубятня (вновь мотив неба, высоты!). За это стоит благодарить Всевышнего: *За труды, за плоды, за находку и за пометку, / за движение от первого слога к последнему слогу... // Я наклею на голубятню почтовую марку / и пошлю по адресу: Синее Небо. Господу Богу* («Я не то чтоб не уважаю...»). Это общение с Богом есть, быть может, вера в спасение души и бессмертие. В тексте почтовая марка на голубятне – явление инобытийное, символ вечности и Бога.

Частотен в творчестве Е. Клюева пространственный образ звезды, обладающий в его лирике устойчивой субъективной семантикой и означающий особенности авторского мировосприятия, аксиологическую вертикаль его сознания, что, в свою очередь, позволяет поэту

использовать этот образ как средство «запрограммированной» актуализации у получателя речи определённых эмоциональных состояний, смысловых контекстов. Так, в стихотворении «Новый роман» образ звезды служит означиванию смысла ‘неблагодарность судьбы’: ... *проклинал мою старую жизнь под звездой убогой*. Мысль о том, что глупо надеяться и ждать благодарности, верить в то, что твой труд будет справедливо отмечен, «вниманием обласкан», находит своё развитие в стихотворении «Твари творчества», посвящённому Елене Кореневой: ... *звёзд всем на небе не хватает; Сколько тут знакомых лиц, / как тут людно, как тут пусто: / здравствуйте, искусства лис, / здравствуйте, свинья искусства*.

Номинация «звезда» у Е. Клюева – репрезентант смысла ‘поэтическое творчество’: *Но откуда не умер, живу – в ус не дую, / в ус не дую, а только владею, владею / под одною звездой, своею звездой* («Находки на ютских дорогах»). Поэт размышляет о творчестве посредством создания в произведении корреляции «природное, космическое» и «духовное, человеческое».

Муки творчества (с определённой долей самоиронии) отражены поэтом в стихотворении «Из кое-как законченного дня...». Лирический герой в течение всего дня смог написать только одну строфу. Но «в маленькое поле» этой строфы он попытался уместить то, что рисовалось воображению как самое главное, может быть, даже заветное, покинутое навсегда: ... *с трубойю дом и над трубой дымок, / немножко веры и немножко воли – и всё хотел придумать заголо... / да мысль куда-то ветром унесло*. Не вышло стихотворение, но есть строфа, ей автором дарована жизнь: ... *и я тогда решил: пускай строфа / так и живёт на свете как строфа – / и три звезды сияют над строфою*.

Подчеркнём, что центром верха пространства у поэта является Бог, и именно в силу этого небо в лирике Е. Клюева приобретает статус знака, символа высших вневременных и внепространственных ценностей, высших устремлений человека и высшей истины.

Список литературы

1. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник. Москва : Академический Проект, 2004. 464 с.
2. Бутакова, Л. О. Авторское сознание в поэзии и в прозе: когнитивное моделирование: монография. Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2001. 283 с.
3. Виговская, Ю. Н. Пространственные и временные значения в тексте // Слово и текст : теория и практика коммуникации : сборник научно-методических трудов. Выпуск 16. Армавир : Армавирский государственный педагогический университет, 2022. С. 12–15.

4. Есин, А. Б. Время и пространство // Введение в литературоведение : учебное пособие. Москва : Академия, 1999. С. 47–62.
5. Клюев, Е. В. Музыка на Титанике. Москва : Время, 2014. 320 с.
6. Четверикова, О. В. Знаки авторства как средства вербальной манифестации смысловой сферы творческой языковой личности : монография. Армавир : Армавирская государственная педагогическая академия, 2013. 236 с.

THE MOTIF OF HEIGHT IN THE POETRY OF EVGENY KLYUEV

T. V. Belova

Tver State University, Tver

The article considers the height motif in the book of poems by E.V.Klyuev “Music on the Titanic” (2014). Analysis of the poems included in the book has shown that the main mythopoeic symbol defining the poet’s artistic worldview is the “vertical”: the lyrical hero’s desire to the “top” of the space, i.e. to comprehend both being, himself, and his work. This spatial “top” in E. Klyuev’s poetry is indicated by the basic concepts of “sky” (synonyms: heaven, firmament, sky), “height”, “star”, “God”.

Keywords: *E. V. Klyuev, “Music on the Titanic”, poetic worldview, space, sky, star, God.*

Об авторе:

БЕЛОВА Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Belova.TV@tversu.ru.

About the author:

BELOVA Tatyana Viktorovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of History and Theory of Literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Belova.TV@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.02.2026 г.

Дата подписания в печать: 13.03.2026 г.